

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВА

Анализируются условия и препятствия формирования гражданской нации и политику мультикультурализма. Автор представляет различные трактовки понятия и сущности гражданской нации, и предлагает собственную версию. Рассматриваются функции гражданской нации и две основные модели построения нации в Европе (французская и немецкая).

Ключевые слова:

гражданская нация, мультикультурализм, гражданство, консолидация, идентичность, гражданское общество.

В широком смысле гражданскую нацию можно определить как гражданское сообщество. Условия, необходимые для создания политической нации, описаны многими исследователями, но на данный момент так и не выявлены критически необходимые. Каково должно быть это сообщество, какие у него цели, что важнее международное признание, территория, или экономические возможности, так ли важна легитимность в процессе формирования политической нации – на все эти вопросы исследователи отвечают по-разному. В. Малахов выделяет два аспекта нациостроительства: «технический» и «гуманитарный» [4, с. 68]. Со стороны «технической» нация – это пространство, которое создается в рамках существующего государства благодаря развитию систем транспорта и связи. С точки зрения «гуманитарной» внутри государства возникает особая система социальной коммуникации, знакомая «своим» (родившимся и проживающим в этой стране) и неясная «чужим» (приезжим). Основные технические параметры, необходимые в процессе нациостроительства: «международное признание, определенность территориального состава, конституционный дизайн, политические институты, в первую очередь обеспечивающие поддержание монополии на легитимное насилие, относительный «закон и порядок», некоторый минимум экономической состоятельности...» [3, с. 9]. Эти ресурсы являются необходимым техническим минимумом, но основную задачу консолидации нации только с их помощью не выполнить, пока нет ценностной интегрированности.

К. Калхун отмечает значение социальной солидарности в процессе нациостроительства, но автор замечает, что социальная солидарность и коллективная идентичность – это минимальные условия для того, чтобы назвать население нацией,

и эти условия он не считает решающими. К. Калхун предлагает «общую схему, а не точное определение нации» [2, с. 30–32]: границы территории, население, или то и другое; неделимость – представление о целостности нации; суверенитет или стремление к суверенитету и к формальному равенству с другими нациями, в виде независимого и предположительно самодостаточного государства; «восходящее» представление о суверенитете (идея о том, что правление является справедливым только тогда оно опирается на волю народа, или, по крайней мере, служит интересам «народа» или «нации»); участие народа в коллективных делах (народная мобилизация на основе принадлежности к нации (в военной или гражданской деятельности)); прямое членство, когда каждый индивид считает себя непосредственно частью нации, и, в этом смысле, категориально эквивалентным другим членам; культура, включая некое сочетание языка, общих убеждений и ценностей, освященных обычаями практик; глубина во времени – представление что нация как таковая существует во времени, включая прошлые и будущие поколения, и обладает историей; общее происхождение или расовые черты; особая историческая или даже сакральная связь с определенной территорией. Приводя весьма внушительный список критериев нации, автор настаивает: нет предопределенности даже в том случае, если указанные критерии присутствуют в государстве. Говорить о наличии политической нации с уверенностью нет возможности, так как измерить её нельзя. «Не существует никаких эмпирически критериев, позволяющих установить способность нации добиваться суверенитета, поддерживать сплоченность, оберегая себя от внутренних расколов, или очерчивать четкие границы, ссылаясь на единство культуры или её особую древность» [2, с. 31].

Р. Арон в рамках «французской модели» приводит параметры гражданской нации: «Нация как идеальный тип политической общности обладает тремя характеристиками: это участие всех управляемых в деятельности государства в двух формах – всеобщей воинской обязанности и всеобщего избирательного права; совпадение между этим выражением политической воли и культурной общностью; полная независимость внешней политики национального государства» [1, с. 16–17]. Нация у Арона является политическим образованием, именно государством-нацией. Идея нации объединяет общество, легитимирует новый политический режим. Именно поэтому для постсоветских государств остаётся приоритетом построение гражданской нации.

В. Тишков [8] акцентирует внимание на функциях политической нации – достижение консолидации и общей лояльности населения государства. Также он приравнивает общую гражданскую идентичность к таким важным для государства компонентам как Конституция, общие правовые нормы и границы. Формула «единство в многообразии» способна поддерживать и сохранять это своеобразие, одновременно консолидируя общество в единую гражданскую нацию. Способ утверждения многообразия без акцентирования внимания на отличиях – это внутреннее самоопределение. Основной угрозой построению гражданского сообщества В. Тишков считает этнонационализм.

С этим утверждением трудно не согласиться, поскольку в постсоветских государствах на фоне некоторой эйфории начала 1990-х гг. от распада Союза и обретения суверенитета, начался устойчивый рост использования националистической риторики. Этот фактор сигнализировал расцвет этнокультурного национализма, что незамедлительно сказалось на внутренней политике многих постсоветских государств. Не всегда существует жёсткая дихотомия, чаще всего в каждом из них только в меньшей степени содержится компонент другого: «...гражданский национализм не может быть культурно-нейтральным..., а этнонационализм не может избежать претензий на власть и государство («свою» государственность хотят иметь почти все постсоветские лидеры и активисты культурно-отличных общин)» [9, с. 139].

На постсоветском пространстве проекты формирования политической нации сталкиваются с определёнными трудностями. Пытаясь построить нацию с весьма

широкой национальной интеграцией, государства сталкиваются с неприятием такого проекта, что ведёт к появлению на их территориях сепаратистских национализмов. «Постколониальные государства особенно уязвимы к вызовам со стороны зависимых национальных групп, так как они могут использовать ту же самую риторику, которую использовали антиколониалисты в борьбе за независимость... Попытки создания более сплоченного национального государства часто вызывают противоположные усилия со стороны зависимых групп или соседей. Формирование более широкого единства сопровождается переустройством национальных идентичностей, которые создают новые линии напряженности при преодолении сложившихся» [2, с. 203–204].

Рассмотрим две наиболее популярные европейские модели нации – французскую и немецкую.

Нация как сообщество граждан – это французская модель. Чтобы принадлежать к данному сообществу, нужно соответствовать одному критерию – французское гражданство. Французская революция утвердила понимание национальности как гражданства. На первый взгляд требование быть гражданином выполнимое. Но на деле за этим кроется не просто гражданство, а желание разделить нормы и ценности французского общества и в конечном итоге ассимиляция. Франция на данный момент является примером самого интегрированного государства Европы, но эта интеграция не была мирной и ненасильственной. Построение политической нации во Франции длилось несколько веков, планомерно формировалась общая система стандартизации, на основе которой и появилась французская политическая нация.

В германской модели тоже важен фактор гомогенности общества. Только в немецкой модели гомогенность достигалась закрытостью самого общества, то есть очень сложной процедурой получения гражданства. Согласно «немецкой доктрине» нация – является продуктом становления давно существующего народа (Volk). Если во Франции централизованное государство в течение нескольких веков планомерно выстраивало политическую нацию, то проект немецкой нации созрел только к концу XIX в. Этому процессу объективно препятствовала политическая фрагментация. Однако немецкий язык, несмотря на это обстоятельство, был достаточно распространён во всех германских государствах, что придавало ему большую

ценность, таким образом, язык стал фактически основой существования нации.

Ч. Тэйлор пишет о германском обществе: «...гомогенное общество противится предоставлению гражданства инородцам» [10, с. 21]. Действительно, процедура получения гражданства мигрантами из других государств, предки которых никогда не жили в Германии весьма сложная. Мигранты, предкам которых посчастливилось жить когда-то в Германии сравнительно легко становятся гражданами. Нация понимается как этнокультурное сообщество, и люди, которые не в первом поколении живут в Германии, продолжают считаться инородцами. То есть люди, социализировавшиеся в Германии, не признаются немцами, а иностранцы действительно с другой культурой становятся гражданами без затруднений. «Вторжение в сообщество новых членов, въезд иммигрантов, изменение гражданского состава населения является вызовом демократии» [10, с. 22]. Как пишет исследователь, велико желание при столкновении с такой проблемой отмахнуться и жить по прежним правилам. Например, можно исключить радикально «чужих» посредством жёстких ограничений в предоставлении гражданства, как это происходит в Германии. «Необходимость формирования нации как коллективного субъекта действий противостоит требованию включения в нацию всех, кто имеет законное право на гражданство» [10, с. 29].

Ч. Тейлор ставит диагноз современным демократическим обществам. Постоянное внутреннее противоборство демократического общества вызвано необходимостью единой политической идентичности. Для скорейшего достижения этой цели весьма велико желание просто исключить людей, которые не хотят принять идентичность большинства.

С 1999 г. намечились перемены в лучшую для мигрантов сторону – принят новый Закон о гражданстве, согласно ему дети иммигрантов получили право на гражданство. Однако некоторая часть немецкого общества по-прежнему не считает их немцами. В 2002 г. принят новый Закон об иммиграции, который значительно ослабил требования для въезда в страну. Тем самым Германия фактически признала себя «иммиграционной страной», заложена основа для внедрения мультикультурализма.

«Мультикультурализм утверждает уважение к различиям, и при этом не отказывается от поиска универсальности. То

есть взаимодействие культур происходит через координацию, а не через субординацию» [6, с. 3]. Не все меры, применяемые в рамках политики мультикультурализма, могут быть подобны для любого государства. Если больше усилий предпринимать в области уважений различий, а не поиска универсальности, то вполне может возникнуть угроза мозаичности и фрагментации культур.

Ю. Хабермас предлагал свой способ дальнейшего развития немецкого общества – т.н. «конституционный патриотизм» [11]. В это понятие он включает перемещение акцента с этнической компоненты на политическую, в частности на Конституцию. Конституционный патриотизм предполагает сотрудничество гражданина и государства на основе полного соблюдения гражданских прав и свобод. Солидарность, идентичность и общие ценности являются базисом конституционного патриотизма.

Мультикультурализм весьма парадоксально имеет сходные черты с национализмом: «В многообразии культур, отстаиваемом мультикультуралистами, сами культуры обычно мыслятся как целостные единицы: здесь мультикультуралистский дискурс близок к дискурсу национализма, только мультикультурализм стремится «защищать» культуры, не имеющие своего национального государства и входящие в состав одного или нескольких более крупных национальных государств. Сходство с национализмом проявляется также в том, что мультикультурализм признаёт особую ценность принадлежности только к одной категориально понимаемой культуре» [7, с. 276]. Однако мультикультурализм за прошедшее десятилетие так и не стал той основой, которая могла бы сгладить существующие противоречия и содействовать созданию политической нации. Внедряя политику мультикультурализма в своих государствах, европейские лидеры не всегда прислушивались к мнению скептиков, указывавших на некоторые ее черты, ведущие, скорее, к разобщенности, нежели к сплочению.

Французские власти вкладывали много усилий в ассимиляцию мигрантов. Были разработаны и внедрены программы, согласно которым устанавливался запрет на компактное расселение приезжих, учреждение общественных организаций по этническому принципу. Также стараются следовать принципу лаицизма, но часто это вызывает негативную реакцию со стороны мигрантов и граждан. Во Франции

также за последние годы были приняты меры по изменению законодательства. Ранее действовало так называемое «право почвы», по которому получали гражданство автоматически дети, родившиеся на территории Франции в семьях, проживающих постоянно мигрантов. С внесением изменений в законодательство стало необходимым ходатайство о получении гражданства после исполнения 16 лет. Ходатайство не даёт право на получения гражданства автоматически, кандидатов ждёт проверка, по результатам которой выносится решение. Гражданство могут не дать, если кандидат недостаточно хорошо владеет французским языком, или уже имел проблемы с законом.

Если критично посмотреть на обе модели (немецкую и французскую) после изменений в законодательствах, наметилась тенденция к сближению этих моделей [12]. Частичный отказ от республиканизма во Франции (некоторое ужесточение требований по гражданству) и смягчение законодательства Германии подтверждает тезис Р. Брубейкера о том, что ошибочно противопоставлять этнический национализм гражданскому. Признание за собой статуса иммиграционного государства ведёт к изменению политики в отношении мигрантов. Теперь от мигрантов не требуют возвращения на Родину или ассимиляции. Поддержка, адаптация мигрантов выражается в сохранении их идентичности, в возможности участвовать в выборах местного самоуправления. Эти меры позволяют не допустить изоляции мигрантов и способствуют инкорпорированию их в общество.

За последнее десятилетие наблюдается постепенное возрождение этнической риторики. На данный момент существует устойчивое восприятие политической нации как «позитивной», культурной в высоком понимании, правильной и этнической нации как варварской и не прогрессивной. Но примеры государств «старой Европы» демонстрируют, что политическая нация не является устойчивой конструкцией, и не может однажды образовавшись самостоятельно поддерживать свою жизнедеятельность. Без определенной идеи политическая нация весьма уязвима: «... политическая нация без тотализирующей «национальной идеи», будь то священный авторитет монарха или общественный договор, перерождается в совокупность частных корпораций, таких как транснациональные гиганты, мелкие фирмы, армия, церковь, университет и т. п. Рецепт нации-

государства как «плавильного котла» этносов, культур, языков и религий оказался опровергнут примером многих стран. Одной из ведущих форм корпоративной идентичности становится этнос. Архаическая этническая риторика, выражаемая на языке политической мифологии через категории земли, крови, братства, исторического нарратива, оппозиции мы–чужие – вытесняет рационализирующие политику модернистские идеологии» [5, с. 96].

Политика мультикультурализма, отчаянно продвигавшаяся в течение последнего десятилетия, не способна предотвратить коррозию «нации – государства» и дать ответ новым вызовам, об этом говорится на самом высоком уровне. Сначала идею о крахе мультикультурализма озвучил бывший член совета директоров БундесБанка Тило Саррацин* в книге «Германия самоликвидируется».

Идея критиковалась, пока в октябре 2010 г. канцлер Германии Ангела Меркель не озвучила ее в Потсдаме. Меркель признала политику мультикультурализма в Германии провальной, и призвала мигрантов учить немецкий язык и самим предпринимать действия для инкорпорирования в немецкое общество. Вслед за Меркель высказал разочарование политической мультикультурализма и премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2011 г. Он предложил перейти от политики невмешательства к «мускуистому либерализму» – демократия, равные права, свобода слова и главенство закона должны помочь формированию национальной идентичности. К своим коллегам присоединился Николя Саркози, он признал провал политики мультикультурализма. В телевизионном интервью в феврале 2011 г. он посетовал, что долгое время слишком много внимания французские власти уделяли самим мигрантам, и мало принимающей стране. Ранее в сентябре 2010 г. французский Сенат принял решение о запрете женщинам носить в публичных местах никаб, паранджу и чадру. Также некоторые критики мультикультурализма (Б. Каргалицкий и др.) называют его «культурным апартеидом», где все

* Книга вышла в продажу в августе 2010 г., стала бестселлером и вызвала ожесточенные споры о настоящем и будущем Германии. Автора называют и смельчаком, затронувшим табуированные в современной Германии темы миграции и рождаемости, и разжигателем ненависти к мигрантам социал-дарвинистом. Автор книги исключен из социал-демократической партии Германии.

чрезмерно охраняют свои особенности и при этом усиленно следят, чтобы каждый друг друга не обидел.

Итак, на основе представленных позиций авторов выведем собственное определение гражданской нации. Гражданская нация означает сообщество людей, объединенных общей территорией, имеющих достаточное для ведения экономической и общественной жизни знание языка, определенную систему коммуникации, схожие понятия о нормах и ценностях, проявляющих лояльность к государству не в смысле безразличия к его деятельности пока эта деятельность не коснется кого-то конкрет-

но, а проявляя здоровый патриотизм и солидарность. Формирование гражданской нации весьма зависимо от гражданского общества. Также граждане должны добровольно принимать участие в политической жизни государства (выборы, военная служба и т.д.), признавать легитимной существующую власть. С внешней стороны обязательным является международное признание, наличие территорий, определенный конституционный дизайн, политическая система, транспортная система и система связи, способность самостоятельно осуществлять экономическую деятельность.

Список литературы:

- [1] Арон Р.Р. Мир и война между народами / Раймон Арон. – М.: NOTA BENE, 2000. – 879 с.
- [2] Калхун К. Национализм / Крэйг Калхун; пер. А. Смирнова / Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского». – М.: Территория будущего, 2006. – 288 с.
- [3] Каспэ С. Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай (I) // *Полития*. – 2009, № 2. – С. 5–26.
- [4] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: учеб. пособие. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.
- [5] Мартыянов В. Строительство политической нации и этнонационализм // *Логос*. – 2006, № 2. – С. 94–109.
- [6] Мультикультурализм. Россия и опыт Канады (О возможности использования канадского опыта мультикультурализма в Российской Федерации). Аналитический доклад. – М., 2007.
- [7] Смирнов А. Заключение // Калхун К. Национализм / Крэйг Калхун; пер. А. Смирнова / Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского». – М.: Территория будущего, 2006. – С. 239–246.
- [8] Тишков В. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // *Вопросы философии*. – 1998, № 9. – С. 3–26.
- [9] Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
- [10] Тэйлор Ч. Демократическое исключение и лекарство против него // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. – М.: Ин-т этнологии РАН, 2002. – 356 с. – С. 11–37.
- [11] Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.
- [12] Brubaker R. Myths and misconceptions in the study of nationalism // *The state of the nation. Ernest Gellner and the theory of nationalism* / Ed. A.J.A. Holl. – Cambridge, 1998. – P. 272–305.